

Академик Лаврентьев, Академгородок и Совет по науке

18 мая 1957 года ЦК КПСС и СМ СССР приняли постановление «О создании Сибирского отделения Академии наук СССР». Напрямую с переходом к совнархозам оно не увязывалось, но перекликалось с ним. Так уж веками сложилось на Руси, что серьезная наука сосредотачивалась сначала в столичном Санкт-Петербурге, а с 1930-х годов – в столичной Москве. Кое-какие исследования велись и в Ленинграде, и столицах союзных республик, но чем меньше республика, тем незначительней становился ее научный потенциал. Такая централизация представлялась отцу не только неестественной, но и опасной. Мало того что за каждой, даже ерундовой, научной надобностью, как в петровские времена, приходится обращаться в столицу, но случись война, от науки, вместе с Москвой, камня на камне не останется. Погибнут не только лаборатории и институты, но и ученые. Страна вмиг станет «безмозглой». Отец полагал, что науку следует рассредоточить по стране: конструкторские бюро и исследовательские институты разбросать по промышленным центрам, сельскохозяйственные академии переместить поближе к земле. Соответствующее решение, как я уже упоминал, приняли на Пленуме ЦК еще летом 1955 года. Дело двигалось, но двигалось медленно.

В промышленности, особенно оборонной, переезды прошли, не скажу чтобы гладко, но прошли. На Урале, в Сибири при крупных заводах возникали новые научные центры, поначалу на правах филиалов столичных институтов, но вскоре они обретали самостоятельность. Передислоцировались и военные разработки. Морские и зенитные ракеты прописались на Урале, метеорологические, связные и иные спутники – в Красноярске. Сейчас уже никто и не помнит, с какой опаской люди снимались с обжитых мест. Ехали без охоты, но и без особого принуждения, особенно молодые, неостепененные. Там, в глубинке, столичный начальник отдела, если он с головой, за несколько лет вырастал в главного конструктора, становился вровень с московскими светилами и даже избирался в академики. Прославленные ракетчики-академики, главный конструктор межконтинентальных ракет днепропетровец Михаил Кузмиц Янгель, корабельных баллистических ракет миасовец Виктор Петрович Макеев, еще один ракетчик красноярец Михаил Федорович Решетнев начинали примерно одинаково и примерно в одно время.

С сельскохозяйственниками отцу везло меньше, вернее, совсем не везло. Те, кто жил и работал в глубинке: на Украине, в Ставрополье, в Казахстане, в Сибири – «пшеничники» академик Василий Яковлевич Юрьев, Василий Николаевич Ремесло, Федор Григорьевич Кириченко, «кукурузник» Борис Павлович Соколов, «подсолнечник» Василий Степанович Пустовойт, почвоведы-академики Александр Иванович Бараев с Терентием Семеновичем Мальцевым – творили науку, выращивали новые сорта на своих опытных станциях, с годами

становились знаменитыми, получали все мыслимые ученые звания. В Москву они не стремились. А вот «выкурить» москвичей «с заасфальтированных полей» в пределах Садового кольца не удавалось.

Так что отец немало удивился, когда столичные, увенчанные лаврами академики пришли к нему с предложением добровольно уехать далеко от Москвы. Не все, а трое: математики Михаил Алексеевич Лаврентьев, Сергей Алексеевич Христианович и Сергей Львович Соболев. Лаврентьева отец хорошо знал еще по Киеву.

Он, ровесник XX века, после окончания в 1922 году Московского университета преподавал в МВТУ им. Н. Э. Баумана, стажировался в Париже, затем вернулся в МГУ профессором (по совместительству), работал в ЦАГИ (Центральном аэродинамическом институте), в Математическом институте. В 35 лет Лаврентьев – доктор наук, профессор, заведующий отделом одного из самых престижных московских академических институтов. Однако он жаждет большего, но тут происходит осечка. Выдвинувшись в Москве в 1939 году в члены-корреспонденты сразу по двум отделениям – математики и механики, погнавшись за двумя зайцами, Лаврентьев провалился и в том же году перебрался на Украину. В Киеве, кроме интересной работы, ему пообещали членство в Украинской Академии наук. Не оставляя своих многочисленных обязанностей в Москве, Лаврентьев начинает профессорствовать в Киевском государственном университете и одновременно становится директором Института математики Академии наук Украины. В результате выиграла и Лаврентьев, и Украина. Он стал сразу академиком, пусть и местного значения, а республика приобрела неординарного ученого. Отец познакомился с Лаврентьевым вскоре после переезда последнего на Украину. В Киеве, как и в Москве, отец при любой возможности старался установить связи с местными учеными. Общаясь с ними, он не только из первых уст узнавал о последних достижениях в мире, что требовалось ему, руководителю республики по должности. Одновременно он учился, набирался недополученных в юности знаний. Я уже упоминал об этом и не премину упомянуть еще не раз. Учеником отец был благодарным, все схватывал на лету, и одновременно полезным для своих учителей. Примеров можно привести множество.

Остановлюсь лишь на одном, с академиком Лаврентьевым не связанном. Там же, в Украинской Академии наук, трудился Евгений Оскарович Патон, профессор Политехнического института с 1905 года, ученый старой школы и старой выучки и одновременно новатор – зачинатель сварки металлических конструкций.

«Я только приехал на Украину, – вспоминал отец, – как мне позвонил академик Патон, крупнейший машиностроитель, увлекавшийся сваркой мостовых конструкций. Я его принял.

В кабинет вошел плотный человек, уже в годах, седой, коренастый, с лвиным лицом, колючими глазами. Поздоровавшись, он вытащил из кармана кусок металла толщиной около сантиметра и положил на стол.

– Это полосовое железо, – сказал Патон, – и я его свариваю. Это сварка под флюсом.

Шов выглядел идеально, гладкий, как литой. Слово “флюс” я услышал впервые. Я был буквально очарован встречей и беседой с Патоном».

Патон убедил отца, что его сварка под «флюсом» произведет революцию в промышленности, даст возможность сваривать мосты, перекрытия зданий, корабли, броню танков. Всего не перечислить.

Он стал помогать Патону. При первой возможности рассказал о Патоне Сталину. И очень вовремя. В 1938 году Патон, не скрывавший своего отвращения к пустословию, а им он считал все не относящееся к сварке металлов, выглядел на общем фоне того времени не просто анахронизмом, но вполне мог считаться одним из вероятных кандидатов на отстрел. На Патона пожаловался заведующий Отделом пропаганды Украинского ЦК. Вызванный к нему на совещание академик, не просидев и десяти минут, встал и молча вышел.

– Если Патон ушел, то нужно разобраться, в чем дело, – встал на сторону ученого отец. – По какому вопросу вы проводили совещание?

– По вопросам идеологической работы, – прозвучал ответ.

– А зачем вы пригласили академика Патона? Он не имеет к этому никакого отношения. Он взял и ушел, проголосовал, как говорится, ногами. Вы должны сделать вывод своими мозгами и в будущем не позволять подобного не только в отношении Патона.

Больше к Патону в ЦК Компартии Украины не придирались.

Отец особо гордился своим участием в продвижении в жизнь патоновской технологии сварки танковой брони. Во время войны она многократно ускорила производство танков, повысила их боевую устойчивость. Построенный в Киеве после войны по технологии Патона новый мост через Днепр по настоянию отца называли именем ученого.

Но это Патон – человек дела! А что общего у отца с математиком, разрабатывавшим теорию функций комплексного переменного, теорию конформных и квазиконформных отображений, новые методы вариационного исчисления? Отец и слов-то таких не знал. И тем не менее, они не только познакомились, но, сойдясь характерами, время от времени встречались. Когда грянула война, их пути разошлись, Лаврентьев уехал в эвакуацию в Уфу, отец отправился на фронт. Снова они встретились только после победы.

Летом 1945 года Лаврентьев вместе с президентом Украинской Академии наук Александром Александровичем Богомольцем, пришли к отцу за содействием в приложении к жизни еще одной математической разработки Михаила Алексеевича – теории кумулятивного заряда. Что это такое?

В так называемых кумулятивных снарядах в носке делается специальной формы выемка, покрытая изнутри металлом. Благодаря ей снаряд как бы присасывается на мгновение к броне танка или любой другой преграде, а образовавшаяся в момент подрыва раскаленная газовая струя продырявливает, прожигает броню. Успех зависел от формы выемки, которая фокусирует выделяемую при подрыве энергию в одной точке, обеспечивает пробитие брони. Эту форму и рассчитывал Лаврентьев.

Теорией кумулятивного подрыва Лаврентьев увлекся еще до войны. Поначалу приходилось работать в одиночку. Как академик Патон сам мастерил первые сварочные автоматы, так и математик Лаврентьев формовал дома взрывчатку с выемками различной формы, для чего разогревал ее до вязкого состояния на кухне на электроплитке, а в качестве пресса использовал ножку кровати. Заряды он испытывал в соседнем овраге. К сожалению, в отличие от Патона, который первым в мире начал сваривать танки, Лаврентьев немцев не опередил. Они научились производить кумулятивные противотанковые снаряды задолго до нападения на Советский Союз.

Я прочитал в книжке А. А. Помогайло «Оружие победы и НКВД. Советские конструкторы в тисках репрессий» (правда, по архивным данным не проверил), что еще в 1936 году, во время гражданской войны в Испании, немцы использовали кумулятивные снаряды против воевавших на стороне республиканцев советских танков Т-26.

Заметим, без особой необходимости, тонкую 15-ти миллиметровую броню Т-26 пробивали не то что пушки, но и обычные противотанковые ружья. В Испании немцы обкатывали новую научную разработку. Там-то они, скорее всего, и выяснили, что для выпущенного из нарезной пушки вращающегося вокруг продольной оси снаряда кумулятивный заряд мало подходит. Он не успевает «присосаться» к броне, сформировать всепрожигающую огненную струю. Для нового заряда требовалась иная, гладкоствольная артиллерия, а еще лучше портятивные ракеты. Ничего подобного в Германии не производили. Тогда немецкие инженеры и военные нашли кумулятивным зарядам иное применение. В 1940 году во время наступления через Бельгию на Францию немецкие десантники-саперы с их помощью уничтожали укрепления у мостов через канал Альберта, бронированные и бетонные капониры. Заряды

подтаскивались к ДОТам (долговременным огневым точкам) на себе, вручную навешивались на броню и подрывались. Эффект оказался ошеломляющим, одного заряда хватало, чтобы вывести из строя целое сооружение, на постройку которого ушли годы. Однако в 1940 году немецкое наступление на западе развивалось столь стремительно, что подробно-сти штурма укреплений у канала Альберта не привлекли внимания специалистов. По крайней мере, советских.

Хотя кумулятивный заряд для стандартной противотанковой пушки оказался менее бронейбойным, чем ожидалось, броню он все же пробивал лучше снаряда обычного, со стальным сердечником. Поэтому немцы работали в обоих направлениях: разрабатывали способы доставки к цели невращающегося реактивного заряда и усовершенствовали уже испытанный в Испании снаряд для стоявшей на вооружении противотанковой пушки. С началом войны обнаружилось, что броня новых советских танков Т-34 и особенно КВ слабо поддается обычному бронейбойному снаряду, кумулятивными зарядами занялись вплотную. Уже в первые месяцы 1942 года, а возможно и в 1941 году немцы сконструировали кумулятивный заряд, который, несмотря на вращение снаряда вокруг продольной оси, прожигал броню советского Т-34.

На войне секреты долго не удерживаются. Немецкая новинка попала в наши руки. В 1943 году начали производить советский противотанковый снаряд с кумулятивной выемкой. В Курской битве, вспоминал отец, только эти кумулятивные снаряды (их то ли по ошибке, то ли для засекречивания, называли «термитными») помогали хоть как-то справиться с «тиграми».

Немцы тем временем сделали следующий шаг, сконструировали гладкоствольную реактивную противотанковую систему. Первые ракеты-фаустпатроны с кумулятивной головной частью появились в вермахте в середине войны. С их помощью 45-ти миллиметровая броня советских танков Т-34 прожигалась, как жель. Не могла им противостоять и казавшаяся абсолютно непробиваемой броня тяжелых танков КВ и ИС. К 1945 году фаустпатронами вооружили практически поголовно всех немецких солдат, оборонявших Берлин.

Они сожгли несчетное количество советских танков, и после Берлина в эффективности кумулятивного принципа не сомневался никто. Теперь кумулятивным зарядом занимались все, но рассчитать оптимальную формулу заряда не умел никто. За исключением Лаврентьева. Теория Лаврентьева объясняла, почему кумулятивный заряд эффективнее обычного бронейбойного снаряда, а отлитые по его формулам начинки снарядов доказывали правильность его выводов. Но с Лаврентьевым соглашались далеко не все его коллеги и заказчики-военные. Вот он и обратился к Хрущеву за поддержкой, пригласил его на испытания.

«Я покажу вам заряд из взрывчатки определенной формы, положу его на лист железа, мы его подорвем, и он буквально пронзит этот лист, – так запомнил отец объяснения Лаврентьева. – Этот заряд не пробивает, а прожигает броню.

Все так и произошло. Огромное дело он сделал на пользу страны».

В наше время кумулятивными зарядами никого не удивишь, как не удивишь никого полетами в космос. Тогда же все только начиналось, позиция отца значила много, и не только для Лаврентьева.

Интересы академика и главы республики пересеклись не только в военной сфере. После войны Лаврентьев увлекался не одними кумулятивными зарядами, но занялся теорией направленных взрывов самой разнообразной конфигурации.

Отец в те годы пытался осушить пойму речушки Ирпень над Киевом, что по течению Днепра чуть выше города. Чтобы отвести воду, требовалось прокопать десятки и даже сотни километров каналов, канальчиков, канав, канавок. Копали их вручную, только кое-где американскими экскаваторами, которых на всю Украину насчитывалось штук пятьдесят.

В 1947 году, во время одной из встреч с Лаврентьевым, отец рассказал ему о работах на пойме. Лаврентьев откликнулся предложением не копать, а проделывать канавы подрывом шнуровых зарядов из мокрого пороха. Для неспециалиста мокрый порох звучит дико, все знают, что порох надо держать сухим. Однако, как оказалось, в определенных условиях мокрый порох взрывается не хуже сухого.

Предложение Лаврентьева по тем временам прозвучало более чем необычно, но отец любил необычных людей с их идеями. Решили попробовать.

«В течение трех дней провели опыты со шнурами разных диаметров, – вспоминал Лаврентьев, – и внесли предложение в Совет Министров УССР. Ирпенскую пойму осушили в несколько раз быстрее и во много раз дешевле, чем ручным способом.

Так родился новый вид взрывных работ – шнуровые заряды».

В том же 1947 году показал Лаврентьев отцу свое новое увлечение – первую в СССР вычислительную машину. Ею занимался коллега Лаврентьева, тогда еще никому не известный украинский математик Сергей Алексеевич Лебедев. Отец поверил Лаврентьеву на слово, что дело это чрезвычайно важное, обещал всяческую поддержку и сдержал свое слово.

В 1949 году отец переехал в Москву. Вслед за ним, в 1950 году, вернулся в столицу и Лаврентьев. Там он занялся делами, далекими от круга обязанностей отца: участвовал в проектировании вычислительных машин, а с 12 января 1953 года – еще и атомных боеприпасов для дальнобойных пушек.

Не забросил он и киевское увлечение взрывами, в том числе взрывами под водой. В этом случае Лаврентьева интересовали не столько сами взрывы, сколько их воздействие на окружающую среду. Он старался понять, почему при одном методе подрыва образуется фонтан воды, а при другом – волна. Атомщики построили ему в 30 километрах от Москвы экспериментальный бассейн, поспособствовали переезду из Киева всей его «взрывной» команды. Благодаря подводным взрывам и возобновилось знакомство с отцом, и вот при каких обстоятельствах. В конце 1952 года на Дальнем Востоке произошло несчастье: в пять утра 5 ноября жители Курильских островов ощутили затяжной подземный толчок. Вскоре пришла волна высотой с пятиэтажный дом. Цунами смыла почти все, в том числе с острова Парамушир, расположенного у самой оконечности Камчатки, городок Северо-Курильск. На его месте образовался гладкий песчаный пляж. Стоявшие в гавани суда оказались далеко на суше, волна разбросала их по теснившимся в глубине острова сопкам.

В прибрежных камнях засел и один из крейсеров Тихоокеанского флота. Я сейчас точно не упомяну, занесло ли его туда цунами или он напоролся на каменную гряду самостоятельно, когда спешил на помощь островитянам. Моряки перепробовали все традиционные способы стаскивания кораблей с мели – всё тщетно. Работы продолжались весь 1953 год. После смерти Сталина, в своей новой ипостаси Первого секретаря ЦК КПСС, отец принимал в них непосредственное участие. Во время очередного, весьма пессимистического доклада о ходе спасательной операции, он вспомнил, как в Киеве Лаврентьев с помощью своих зарядов поднимал на озере приличную волну, и посоветовал морякам обратиться к Михаилу Алексеевичу за помощью. Вскоре, воспользовавшись случаем, Лаврентьев сам позвонил отцу и сказал, что постарается, но успеха не гарантирует, уж больно прочно и глубоко засел в камнях крейсер.

Под водой долго взрывали специально рассчитанные для такого случая заряды. Пытаюсь поднять волну повыше, как бы повторить цунами в миниатюре, перепробовали разные глубины. Все тщетно. Как мне помнится, крейсер так и остался ржаветь на Курильских скалах.

И вот теперь, в 1957 году, новая встреча, и снова интересы академика и отца совпали. Лаврентьев хотел построить свой, лаврентьевский академический центр под Новосибирском, а Хрущев искал союзников в деле рассредоточения науки.

Начиналось же все так: Лаврентьеву к тому времени порядком наскучила размеренная московская жизнь, у него руки чесались заняться «настоящим» делом. По началу, как вспоминала его жена Вера Евгеньевна, он рвался на Сахалин. Мысль о создании академического городка в Сибири пришла в голову соседу Лаврентьева по даче Сергею Алексеевичу Христиановичу, занимавшему должность научного руководителя ЦАГИ. Он не поладил с директором. Разгорелся скандал. Министр принял соломоново решение: уволил обоих – и директора, и научного руководителя. Христианович устроился в Институт химической физики к академику Николаю Николаевичу Семенову, но и там не ужился. Так у Христиановича появилось свободное время, и, задумавшись о судьбах советской науки, он пришел к тому же заключению, что и отец: в атомный век слишком опасно сосредотачивать практически все научные учреждения в одном месте.

Лаврентьеву мысль Христиановича понравилась, и он взялся за ее реализацию. Они стали обдумывать записку Хрущеву. В процессе подготовки предложений к Лаврентьеву и Христиановичу присоединился Сергей Львович Соболев, еще один математик и академик, бывший директор Математического института имени В. А. Стеклова. Он, человек с характером, как и Христианович, не поладил с начальством, с президентом Академии наук академиком Александром Николаевичем Несмеяновым, и тот его просто выгнал с работы. Соболев ушел к Курчатову в Институт атомной энергии, но и с Курчатовым они разругались.

В начале 1957 года Лаврентьев посчитал подготовку материалов законченной и позвонил Хрущеву. Отец обрадовался старому знакомому, они не виделись уже более семи лет, и назначил встречу. Лаврентьев не мог найти более удачного времени для представления своего предложения. Отец все раздумывал, никак не находил кандидата, который взялся бы за «расселение» московской науки, и тут появляется доброволец – Лаврентьев, а с ним еще два маститых академика.

В записке Лаврентьев замахнулся создать в Сибири не просто Академический научный центр, а самостоятельную Российскую республиканскую академию наук. Все союзные республики, кроме России, имеют национальные академии. С этим он и пришел к отцу. Отец усомнился в целесообразности такой затеи и стал его отговаривать. Сохранилась запись их разговора.

– Во-первых, звание союзного академика много привлекательнее республиканского, даже российского, – начал приводить свои аргументы Хрущев.

Он понимал, что лаврентьевская крамола вызовет в Президиуме Академии бурю и ее президент Несмеянов сделает все возможное, чтобы не допустить появления соперника на российской земле. Начнутся протесты, а если Лаврентьев, с его, Хрущева, помощью все-таки настоит на своем, то многоопытный Несмеянов найдет способы если не «замотать» вопрос, то всемерно замедлить реализацию столь важного для страны предложения. Всех этих соображений отец Лаврентьеву не высказал, только спросил:

– Кому отойдут существующие московские и не только московские академические научные институты и центры? И что станет с самой Союзной академией?

Лаврентьев замаялся.

– Если все по-прежнему останется под президентом Всесоюзной академии, у Несмеянова, то кому нужна такая Российская академия? – продолжал Хрущев.

Сказать «мне» язык у Лаврентьева не повернулся, и он согласился ограничиться Сибирским отделением, в составе уже существующей Всесоюзной академии наук СССР. На том и порешили.

Когда, казалось бы, уже обо всем договорились, у Хрущева возникли новые сомнения, как Лаврентьеву удастся сагитировать достаточную для начала исследований группу крупных ученых. Новосибирск, по московским меркам, заштатная глушь, кто туда поедет?

– Поедут, – успокоил Лаврентьев, – надо только заинтересовать людей, выделить специальные, сибирские вакансии при выборах в Академию наук. Когда же построим новые институты, проблема вообще отпадет, от талантливой молодежи отбоя не будет.

Лаврентьев исходил из собственного опыта, в Киев в 1939 году его привела перспектива избраться в украинские академики и возглавить местный институт математики. По сибирским же вакансиям выбирать станут не в республиканскую академию, а в главную, общесоюзную. Тут мало кто устоит.

Отец одобрительно заулыбался, к встрече с ним академики подготовились обстоятельно, предусмотрели все мелочи. Одобрив в принципе идею создания Сибирского академического центра, отец сказал, что необходимо специальное решение ЦК и правительства. Средства на строительство научного центра в Сибири потребуются немалые.

Подготовку всех необходимых документов отец поручил Шепилову, он все больше полагался на него в делах, связанных не только с идеологией, но и наукой. Но, несмотря на его прямые указания, дело застопорилось. Шепилов натолкнулся на резкое неприятие затеи Лаврентьева и со стороны президента академии Несмеянова, и со стороны министра высшего образования Владимира Петровича Елютина. С последним требовалось согласовать учреждение в Сибири параллельно с научным центром еще и университета.

Несмеянов считал, что Лаврентьев грубо нарушил субординацию: пошел к Хрущеву без согласования с Президиумом Академии, а своеволия Александр Николаевич не допускал. К тому же, Несмеянов, по специальности химик, считал куда более важным недавно начатое строительство биохимического научного центра в Пушкино, под Москвой. Он опасался, что Сибирская «блажь» Лаврентьева оттянет выделенные на Пушкино средства. Так и получилось. Пушкино вскоре отошло на второй план, и работы там возобновились в полном объеме только в 1963 году, когда строительство Академгородка в Сибири подходило к завершению.

И главное, как Несмеянов, так и Елютин считали, что в Сибирь стоящих ученых не заманить. Все это выброшенные деньги. Сибирский научный центр обречен на серый провинциализм.

– Никто туда не поедет, – так и заявил Несмеянов Лаврентьеву, когда последний заявился к нему за визой на проект постановления правительства.

Лаврентьев в ответ стал перечислять фамилии академиков-добровольцев: одного, другого... третьего.

– Что вы говорите? А я считал его умным человеком, – услышав фамилию пятого по счету академика, в сердцах воскликнул Несмеянов. Поставить свою подпись на документе Александр Николаевич отказался.

Из Президиума Академии Лаврентьев направился в Министерство высшего образования.

– Ничего у вас из этого не выйдет, – увещевал его Елютин. Линию поведения они с Несмеяновым согласовали заранее. – Поверьте, у меня большой опыт по переводу некоторых высших учебных заведений из Москвы на периферию. После выхода решения о переводе шесть месяцев они готовятся к переезду. За это время практически все, особенно хорошие, профессора и доценты устраиваются в другие вузы Москвы. Разбегаются и студенты. В намеченный срок на новое место едут директор и секретарь партбюро. Они берут с собой вывеску вуза и некоторое количество оборудования, на новом месте получают помещение, прибывают у входа вывеску, преподавателей и студентов набирают из средних школ и заво-

дов. Больше неоткуда. Считая задание правительства выполненным, директор и парторг возвращаются в Москву, где устраиваются как хорошо проявившие себя организаторы.

Однако эта возня не только не поколебала Лаврентьева, но еще больше раззадорила его.

– Когда Мише не с кем сражаться, он ходит как больной, – вспоминала Вера Евгеньевна.

Поняв, что от Шепилова толку мало, Лаврентьев нажаловался Хрущеву. Отец возмутился и поручил своему заместителю по Бюро ЦК по РСФСР Аристову незамедлительно решить вопрос. 4 мая 1957 года на заседании Бюро, в отсутствие отца, вызвали московских начальников, секретарей сибирских и дальневосточных обкомов, всего человек сто. После краткого обсуждения постановили: «Сибирскому научному центру Академии наук СССР – быть».

18 мая 1957 года Хрущев с Булганиным подписали постановление ЦК и Совета Министров, место под новый научный центр поручили выбирать на свой вкус Лаврентьеву. Вкус он проявил отменный. «Золотая долина» на берегу Оби под Новосибирском. Кто ее сейчас не знает? Лаврентьев продемонстрировал не только вкус, но и административную хватку, все хозяйственные заботы взял на себя. Конечно, его серьезно выручала поддержка отца. В трудную минуту он мог снять телефонную трубку и обратиться за помощью. Но прибегал он к этой мере редко, когда становилось уж совсем невмоготу.

Местные начальники не почитали за грех попользоваться выделяемыми Лаврентьеву благами, пустить их на «настоящие» дела. То состав цемента переадресуют на стройку Обской ГЭС под Новосибирском, то разрядку по металлоконструкции прикарманят. Исчезли и выделенные Академгородку четыре машины «скорой помощи». При очередном посещении Новосибирска Лаврентьев заметил, что обкомовское начальство разъезжает на необычных персоналках. Не поленился, поехал в гараж. Оказывается, обком присвоил его машины, их перекрасили, замазали красные кресты, заменили носилки на мягкие сиденья. Тут уж Лаврентьев не выдержал, прямо из кабинета первого секретаря Новосибирского обкома Кобелева позвонил Хрущеву. Выслушав Лаврентьева, отец попросил передать трубку Кобелеву. Разговор возымел действие, после него местное начальство не только не ставило Лаврентьеву палки в колеса, но придало высший приоритет строительству Академгородка.

Хрущев посещал Академгородок дважды: в октябре 1959 года и в марте 1961 года. В октябре 1959 года, возвращаясь из Китая с празднования 10-летия КНР, отец сначала остановился в Красноярске. Там, в районе Железногорска, велось грандиозное подземное строительство. В гранитных скалах сооружали ракетный сборочный завод и ядерный центр. Все это вместе называлось «Красноярск-26» (ныне Железногорск). Строительство начали еще при Сталине. После войны он прослышал, что Гитлер прятал от американских бомбардировок сборку ракет в подземные штольни, и последовал его примеру. Сама по себе мысль тривиальная. Во время одной из встреч во время войны отец и сам предлагал Сталину использовать заброшенные шахты для производства вооружения. Сталин отреагировал скептически, а отец не настаивал, тогда его больше волновали свои, фронтовые проблемы. К тому же, угольные шахты не так просто приспособить к делу, их постоянно заливает водой, в штреках накапливается грозный разрушительный взрыв метан. Потом боевые действия переместились на запад, угроза немецких бомбежек миновала, необходимость в подземных укрытиях отпала.

Послевоенное подземное строительство требовало немало денег. По смете все строительство оценили в шесть миллиардов рублей. К 1959 году «освоили» половину, три миллиарда. Теперь отец как рачительный хозяин решил разобраться, куда «закапывают» государственные ресурсы.

Заводские помещения располагались глубоко в гранитном монолите. Пока шли узкими штольнями, отец слушал рассказ начальника строительства. Половина строящегося предприятия отводилась под сборку ракет, вторая половина предназначалась под реакторы, производящие плутоний. Рядом предполагалось собирать ядерные боеголовки. Сначала на стройке работали заключенные. После смерти Сталина и закрытия лагерей пришлось вербовать вольнонаемных. Когда пришли на место, отец восхитился и ужаснулся одновременно. Восхитился колоссальностью размеров зала, сотворенного человеческими руками. Он видел разные шахты: узкие норы донбасских угольных, где передвигаться можно только на четвереньках, и огромные купола солевых выработок в Карпатах. Там свободно умещался экскаватор. Но и соляные купола казались камерками по сравнению с открывшейся перед глазами отца картиной: в гранитной скале вырубил даже не зал – цилиндрическую пещеру, в которую легко упрятывался пятнадцатипятиэтажный дом. Тут планировалось разместить плутониевые реакторы. Поневоле напрашивалось сравнение с египетскими пирамидами, только упрятанными под землю. Прочие помещения казались замухрышками, хотя своими размерами они не уступали нормальным заводским корпусам.

Весь этот титанический труд представлялся отцу сизифовым. Огромные ресурсы закапывались в землю без всякой пользы для страны. Затраты на сооружение подземного завода не только никогда не окупятся, но и в военном отношении окажутся бросовыми. Ведь и ракеты, и боеголовки собирают из деталей. Их производят по всей стране, везут к месту сборки поездами. Если враг разрушит предприятия, изготавливающие отдельные узлы, то собирать под землей окажется нечего. Можно, конечно, накопить какие-то запасы, проектом предусматривались склады, но все это крохи. Опыт прошедшей войны свидетельствовал о том же: Гитлера подземные заводы не спасли. Бомбардировки, разрушив основные промышленные центры Германии, остановили и подземные заводы. Сталин не мог этого не знать, и все же отдал приказ зарываться в землю. Чем он мотивировал свое решение, теперь уже не помнит никто, и тогда его вряд ли спрашивали. Взяли под козырек, навезли заключенных и приказали долбить гранит.

С выводами отец не спешил. Он не хотел обижать строителей, они столько вложили в эти пещеры, к тому же первые впечатления – это только первые впечатления. Отец осторожно, в форме вопроса, высказал свои сомнения, сопровождавшему его среднемашевскому заместителю министра Борису Львовичу Ванникову, который курировал проект. Он ожидал, что Ванников начнет возражать, доказывать разумность и необходимость стройки. Но Ванников только пожал плечами, «глянул хитровато», отец уловил в его глазах улыбку, и согласился.

– Так зачем же... – опешил отец.

– Мы, – отвечал Ванников, – не лезли в это дело, то была идея Сталина. По возвращении отца в Москву планы строительства пересмотрели, чтобы не пропали даром затраченные средства, решили завершить недоделанное, а от новых подземных заводов, их по сталинскому приказу проектировали и в других труднодоступных местах, отказались. После отставки отца сталинскую стройку разморозили. В 2001 году я видел телевизионную передачу о Железногорском подземном монстре. В ней его называли «гордостью советского народа». Как можно гордиться собственной расточительностью? Хотя гордятся же египтяне своими пирамидами.

Если в Красноярске отец испытал разочарование, то Новосибирская «Золотая долина» его порадовала. Деньги здесь вкладывались в будущее, и вкладывались с умом. Сильное впечатление на отца произвела и организация дела. Лаврентьев четко отвечал на вопросы, знал, что где строится, кому чего не хватает, кто просит лишку.

«Не забуду, как, когда строили в Сибири академические сооружения, этот большой ученый жил в палатке и ходил в кирзовых сапогах, – восторгался Лаврентьевым отец. – Но

главное не в том, как человек одет и что он носит – сапоги или цилиндр. Трезвость ума и пробивная сила Лаврентьева – вот что подкупило меня.

Требовалось очень много денег, особенно строительным организациям, чтобы в короткий срок создать хотя бы основу филиала, – продолжает отец. – Научное строительство – непрерывный процесс, как и развитие самой науки. Душой нового дела стал сам Лаврентьев. Я, когда бывал в Сибири, несколько раз посещал Академгородок, смотрел, как идет строительство.

Лаврентьев привез туда семью, жил очень скромно в типовом финском домике, это я увидел, побывав у него на обеде». (На самом деле он жил в избе лесника, построенной тут еще в доакадемические времена.)

Несмотря на искреннее восхищение отца Лаврентьевым, их отношения нельзя назвать безоблачными. В октябре 1959 года они крепко поцапались из-за Лысенко, «злого гения» страны, науки, Хрущева и, отчасти, Лаврентьева.

Проблемы с Лысенко у Лаврентьева возникли чуть ли ни со дня основания Сибирского отделения. Михаил Алексеевич пригласил заведовать Институтом цитологии и генетики Николая Петровича Дубинина, одного из немногих профессоров-генетиков, чудом уцелевшего во время сталинско-лысенковского «выпалывания с научного поля вейсманистско-морганистских сорняков».

Ему повезло, он укрывался в средмаше, там тогда всерьез занялись изучением влияния радиации на живой организм. В средмаш с его драконовской системой специальных допусков даже всесильный Лысенко пробраться не смог. Да и не интересовало его то, чем занимались атомщики. Другое дело – академический институт в самом центре Сибири. Лысенко понимал, что с Лаврентьевым ему не стовориться, они хорошо знали друг друга еще по Украине. Трофим Денисович пошел к Христиановичу, предложил ему сотрудничество и свою поддержку, пообещал прислать настоящих ученых, но с одним условием – никакого Дубинина. Когда Христианович рассказал Лаврентьеву о своей встрече с Лысенко, тот вспылил: Лысенко в Сибирское отделение вход заказан.

В ответ Лысенко показал зубы: в ЦК пошли письма «колхозников», они жаловались на понаехавших в Сибирь «морганистов», которые вместо пшеницы заполняют поля сорняками якобы для научных целей, а нам такой науки не надо. К Лаврентьеву в «Золотую долину» нагрянула «авторитетная» комиссия во главе с Ольшанским, лысенковцем, президентом Сельскохозяйственной академии. Действовала она по трафарету 1940-х годов: «проверив» работу Института генетики, потребовала его закрытия как бесполезного. И это при том, что сибиряки занимались не только «чистой» наукой. Они вплотную подошли к внедрению на поля так называемой триплоидной сахарной свеклы – сорта, обеспечивающего повышение выработки сахара на 15 процентов. Свекла Ольшанского не заинтересовала. Он снова по указанию Лысенко предложил Лаврентьеву взамен Дубининского создать «Мичуринский институт». Сельскохозяйственная академия при таком раскладе поддержит его и деньгами, и людьми. Лаврентьев лавировал, говорил о соревновательности в науке, но уходить под крыло Лысенко категорически отказался.

Тогда Лысенко пустил в ход «тяжелую артиллерию». Он подговорил то ли Шевченко, то ли Полякова пожаловаться отцу на творимые в Сибирском отделении его любимцем Лаврентьевым безобразия, который-де не только пускает государственные деньги на ветер, но при этом прикрывается его, хрущевским, именем. Прием сработал. Отец вспылил, в сердцах пообещал Сибирское отделение разогнать, Лаврентьева уволить, публично заявил о поддержке Лысенко: «Замечательное дело делает академик Лаврентьев, создает новый научный центр. Я хорошо знаю академика Лаврентьева, он хороший ученый. Нам надо проявить заботу, чтобы в новые научные центры подбирались люди, способные двигать науку вперед. Это не всегда учитывается. Например, в Новосибирске строится Институт цитологии

и генетики, директором которого назначен биолог Дубинин, противник мичуринской теории. Работы этого ученого принесли мало пользы науке и практике. Где выдающиеся труды биолога Дубинина, который является одним из организаторов борьбы против мичуринских взглядов Лысенко? Если работая в Москве, он не принес существенной пользы, то вряд ли принесет ее в Новосибирске».

Лысенко не сомневался – дело сделано. Шевченко доверительно сообщил ему, что Хрущев на пути из Китая в Москву в октябре 1959 года собирается остановиться в Новосибирске. Там он «разберется с вейсманистами-морганистами». Лысенковцы еще раз посоветовали Лаврентьеву пока не поздно, покаяться, отказаться от «ереси».

Лаврентьев решил действовать на опережение. Он добился своего включения в делегацию, ехавшую с Хрущевым в Китай. В Пекине Михаил Алексеевич под предлогом, что по пути домой им обоим предстоит лететь в Новосибирск, напросился в самолет к отцу. В самолете отец расспрашивал Лаврентьева об Академгородке, их научных планах и результатах, о тамошнем житье-бытье. Пока Михаил Алексеевич рассказывал о геологах, о своих любимых подводных и надводных взрывах, о получении сверхчистых материалов для электроники, отец слушал его благосклонно, если что-то не улавливал, переспрашивал. Однако при первом же упоминании Института цитологии и генетики он вспылел. Его хорошо «подготовили» в Москве, и слушать объяснения Лаврентьева отец не желал. Он начал выговаривать Лаврентьеву: он де математик, а не биолог, всякие лжеученые-проходимцы, «вейсманисты-морганисты» его водят за нос. Отец проявил осведомленность в деталях, попенял Лаврентьеву: ему-де хотели помочь, предлагали оздоровить институт, влить в него настоящих ученых-практиков, а он отказался.

Лаврентьев не дрогнул, ответил, что не его, а Хрущева водят за нос. Он-то отлично понимает, что делает. В общем, поговорили. Отец насупился – аргументов, опровергавших слова Лаврентьева, у него не находилось. Он демонстративно отсел от академика и вызвал Ильичева с бумагами.

Ил-18 отца состоял из двух салонов: его личного, с приставленными к креслам двумя столами для работы и диванчиком напротив для сна и отдыха, и второго, обычного, такого, как в стандартном самолете. В нем размещались помощники, журналисты и все иные сопровождающие лица.

Отец с Ильичевым занялись рутинными делами. Лаврентьеву же ничего не оставалось, как ретироваться во второй салон. «Опала» продлилась недолго. Отец слишком дорожил мнением Лаврентьева, чтобы просто от него отмахнуться. Покончив с бумагами, он одумался и пошел во второй салон мириться, посетовал, что, пока они спорили, все, кроме них двоих, пообедали. Отец пригласил Лаврентьева пообедать с ним.

– Как пожелает начальство, – демонстративно-отстраненно ответил Лаврентьев.

Отец поежился, но виду не подал. Он понимал, что обидел академика, обидел незаслуженно, и теперь не знал, как загладить свою вину.

Ели молча. Отец вновь попытался разрядить обстановку, предложил выпить по рюмочке коньяку за процветание науки в Сибири.

– Как начальство... – Лаврентьев явно не собирался сдаваться. Постепенно накал спадал, настроение улучшалось, вновь завязался разговор.

Лаврентьев напомнил отцу, как они шнуровыми зарядами копали канал на Ирпенской пойме. Отец с готовностью откликнулся. Начались воспоминания.

– А вы помните Николая Сытого, изобретателя шнуровых копательных зарядов? – как бы невзначай спросил Лаврентьев.

– Конечно, помню! – с готовностью откликнулся отец. – Я его даже прозвал «дорогим Сытым». Поначалу каналы получались «золотыми», но он молодец, придумал, как удешевить технологию, сделать ее рентабельной. Молодец!

– А вы знаете, Никита Сергеевич, что мы выдвинули Сытого на Сталинскую премию, но он ее не получил, – продолжал Лаврентьев.

– Понятия не имею, – забеспокоился отец, он начал понимать, что Сытого собеседник припомнил неспроста. – А почему?

– Лысенко выступил «против» на комитете, – Лаврентьев пошел ва-банк, – завалил Сытого, сказал, что взрывные работы вообще проводить нельзя, «земля – живая, пугается и перестает родить».

(В главе о Лысенко я уже упоминал о его мистически-религиозном неприятии человеческой активности, нарушавшей установившийся на Земле баланс, способной «обидеть» Землю, вызвать ее ответную негативную реакцию. Взрывы любого вида и масштаба он считал наиболее опасными и провокационными действиями.)

Отец не знал, что ответить, так и застыл с вилкой в руке. Лаврентьеву только это и надо было, он высказал все, что думал:

– Не возражаю, я в сельском хозяйстве и генетике профан, но, что Лысенко мракобес и гад, я уверен.

На сей раз отец не сопротивлялся. Вместо того чтобы защищать Лысенко, он сам стал на него жаловаться. Вспомнил, что когда в 1947 году из-за неурожая на Украине он попал в опалу к Сталину, Лысенко тут же пожаловался вождю: посевы погибли, потому что Хрущев не прислушивался к его, Лысенко, советам.

– Можете себе представить, – возмутился отец, – послушайся я Лысенко – и засухи бы не случилось! – тут отец осекся. Внимательно посмотрел на Лаврентьева и положил вилку в тарелку. – Я спросил потом Лысенко, – продолжил отец уже иным тоном, – как он мог так поступить? Он ответил: «Я выполнял задание Сталина».

В дальнейшем разговоре собеседники опасных тем не касались. Лаврентьев остался доволен, он не выиграл, но и не проиграл. Отец придет в Новосибирск не таким, как рассчитывал Лысенко с его командой.

По мнению Лаврентьева, визит Хрущева в Академгородок прошел хорошо. Все направления работ Сибирского отделения, включая и биологические, получили одобрение. Правда, на прощание отец все же порекомендовал ему избавиться от Дубинина. Порекомендовал, а не приказал. Лаврентьев ответил, что подумает, пока равноценной замены Дубинину он не видит.

В Москве лысенковская команда продолжала нажимать. Отца просто умоляли защитить Трофима Денисовича от «вейсманистов-морганистов», иначе сельское хозяйство ожидает неминуемая катастрофа. Отец постепенно поддавался. Тем временем у него за спиной Москва продолжала давить на Новосибирск. В январе 1960 года наступила развязка. Лаврентьев сообщил Дубинину, что защищать его больше не в силах. Дубинин вернулся в Москву. Все эти годы он предусмотрительно сохранял свои позиции в средмаше. Директором Института генетики Лаврентьев назначил такого же «вейсманиста-морганиста» Дмитрия Константиновича Беляева. Большого лысенковцы, как ни старались, своего добиться не смогли, но крови Лаврентьеву они попортили изрядно.

В главе о Лысенко я уже писал о своей собственной войне с ним. Прослышав о споре Лаврентьева с отцом, я тут же записался в его союзники и объявил об этом при первом же удобном случае. На одном из приемов в Кремле в толпе гостей я оказался каким-то образом рядом с академиком. Я, что называется, рвался в бой. Чтобы завести разговор с Лаврентьевым, с которым был едва знаком, я произнес общие фразы об истинности формальной генетики и ошибочности позиции Лысенко. Реакция оказалась неожиданной, Лаврентьев посмотрел на меня, как на провокатора, пробурчал: «Я этим больше не интересуюсь». И отошел.

В 1961 году отец вновь посетил Академгородок.

– А где же ваши «вейсманисты-морганисты»? – шутливо поддел он Лаврентьева, демонстрировавшего ему на импровизированной выставке достижения сибирских ученых.

– Я же математик, и кто их разберет, который вейсманист, а который морганист, – в тон отцу отшутился Лаврентьев.

– Был такой случай, – отец воспринял шутливый тон Лаврентьева. – По Военно-Грузинской дороге шел хохол, а навстречу ему попались спорившие между собой грузин и осетин. Они потребовали от него: «Рассуди нас, что светит на небе месяц или луна?». Хохол видит, что у обоих у них на поясе по кинжалу и отвечает: «Я не тутошний...»

Отец первым начал смеяться, к нему присоединились все присутствовавшие. В тот раз он неудобной темы больше не касался. Не касался ее и Лаврентьев.

Можно сказать, что все закончилось относительно благополучно, но поведение отца, его агрессивность в защите Лысенко я не могу, ни оправдать, ни объяснить. Во множестве иных случаев он исповедовал рационализм, соревновательность школ и идей, призывал все оценивать по результатам. А здесь уперся...

Не сошлись Лаврентьев с отцом и в споре вокруг строительства Байкальского целлюлозно-бумажного комбината. Отец поддерживал стройку, стране нужны дешевые целлюлоза и бумага. Об экологии в то время серьезно не задумывались, считали, что природа справится с любыми отходами. То, что природа не всесильна и даже смертна, в стране отдавали себе отчет единицы, в том числе и Лаврентьев. Он пошел к Хрущеву, но понимания не встретил. На столе у отца лежало заключение авторитетнейшей комиссии, в нем академики не менее маститые, чем Лаврентьев, писали, что комбинат строить нужно, ничего с Байкалом не случится. Одним из решающих аргументов служил пример соседей: «В Японии, в США строят. Значит, и нам можно».

В Америке к заключению, что природа не всемогуща, пришли примерно в то время, когда у нас начинали проектировать этот проклятый комбинат. Великие американские озера начали умирать, в реках и озерах северо-востока США исчезла рыба, леса погибали из-за кислотных дождей. Они забеспокоились, мы же жили по устаревшим меркам, считали, что природа все стерпит.

Мог ли отец тогда согласиться с Лаврентьевым? Хочется ответить: «Да, мог». Но это не будет правдой. Он верил в неисчерпаемость и всемогущество природы. Как мы, песчинки, можем навредить ей? Заключение многочисленных комиссий подкрепляли его веру. Когда приходилось решать, тратить ли миллионы и миллиарды на охрану окружающей среды от нас самих или употребить эти ресурсы на производство чего-то нужного людям, отец всегда поддерживал сторонников второй точки зрения. В этом он оставался продуктом своего времени, а Лаврентьев обогнал свое время. Разминувшись во времени к согласию прийти невозможно.

Реальное положение дел с загрязнением окружающей среды в Советском Союзе осознали только в 1980-е годы. Видимо, закономерно, что к проблемам экологии мы пришли на тридцать лет позже Америки. Примерно настолько Советский Союз отставал от США в своем общеэкономическом развитии. А на чужих ошибках не учится никто.

А вот в другом начинании Лаврентьева, заглядывавшем далеко в будущее, отец его без колебаний поддержал. В 1950-е годы, во время операции по съему крейсера с камней Лаврентьев впервые познакомился с Камчаткой. По возвращении в Москву он пригласил в столицу Камчатских вулканологов, доложивших о возможности создания на полуострове и Курилах совершенно новой отрасли энергетики, использующей термальные воды. Лаврентьев решил сам выехать на место, лично убедиться в возможности построения теплоэлектростанции, работающей на даровой горячей воде. Из экспедиции на Камчатку академик вернулся убежденным, что энергетическое будущее полуострова, и не только его одного, сокрыто в недрах, в кипящей воде гейзеров и горячих источников. Не надо тратить на доставку на

Камчатку морем мазута и угля, стоит только пробурить в нужном месте на нужную глубину скважину – и мы получаем пар для электростанций, кипятки для обогрева домов.

«После поездки на Камчатку я позвонил Н. С. Хрущеву, – вспоминал Лаврентьев. – Мы встретились. Он внимательно выслушал рассказ о богатствах Дальнего Востока, его энергетических термальных ресурсах.

– Что нужно сделать, чтобы эти воды включить в работу? – спросил Хрущев.

– Решение Госплана СССР о бурении опытных скважин, – на сей раз моя просьба была короткой.

Никита Сергеевич при мне позвонил в Госплан. Там начали сомневаться.

– Ученые просят – значит, у них есть основания. Надо помочь создать экспериментальные установки, провести исследования, – подытожил Хрущев.

Через несколько дней состоялось решение Госплана о бурении опытных скважин, выделении оборудования и проектировании первой в Союзе Паужетской термальной электростанции.

В 1963 году я еще раз побывал на Камчатке. На Паужетке близилось к завершению строительство электростанции на подземном паре, по соседству в Паратунке на подземном тепле работали теплицы, обеспечивали овощами ближайший санаторий».

Сотрудничество отца с Лаврентьевым продолжалось до последнего дня его пребывания у власти. С каждым днем оно становилось плодотворнее, теснее. Наиболее многообещающим, на мой взгляд, явилось создание Совета по науке при Главе Правительства, то есть при Хрущеве.

Как я уже писал, отец давно испытывал потребность иметь рядом с собой энциклопедически образованного, мыслящего по-государственному ученого, к которому он бы мог обратиться за советом, какое из научных направлений поддержать, а какое можно и попридержать. При этом ученый-советник, как представлялось отцу, должен стоять выше академических дрызг, подсиживаний, но знать все о подспудных процессах, происходящих в научной среде. В общем, фигура получалась нереально идеальной.

Отец остановил свой выбор на академике Курчатове, они успели обо всем вчерне договориться, но ничего предпринять не успели, Курчатов скоропостижно умер.

Отец долго искал ему равноценную замену, но не нашел и решил создать при председателе Совета Министров СССР коллективного Курчатова – Совет по науке. Отец направил соответствующую записку в Президиум ЦК, а 9 января 1963 года на его заседании предложил в дополнение к Госкомитету по координации научно-исследовательских работ СССР, органу бюрократически неповоротливому, учредить «карманный» Научный совет при главе правительства, собрать туда ученых, которые бы «обсуждали назревшие вопросы» развития промышленности и сельского хозяйства «и давали бы свои рекомендации непосредственно Совету Министров».

«Сейчас мы постоянно запаздываем, – рассуждал отец, – проводим совещания, пленумы и только тогда начинаем выяснять истинное положение вещей. Все мы, министры, работники совнархозов загружены повседневностью, не можем головы поднять. В результате, действуем по старинке, по инерции, идем по старой дорожке, как это произошло с химией.

На будущее мы попросим Совет по науке предварительно обсудить в Научных институтах составляемые Госпланом планы, проверить насколько они соответствуют уровню развития науки в мире».

Отец позвонил Лаврентьеву и предложил ему возглавить Совет. Мне кажется, что к тому времени по авторитетности, объективности суждений Лаврентьев в глазах отца сравнялся с Курчатовым. Возможно, этому поспособствовал и инцидент с генетиками. Людей,

возражавших ему, отец уважал больше, чем поддакивавших. Хотя все мы грешны, подхалимы тоже нередко находили путь к его сердцу.

Постановлением от 7 февраля 1963 года Правительство образовало при Совете Министров СССР Совет по науке.

По общему согласию Хрущева и Лаврентьева, в Совет предполагалось назначить компетентных, известных ученых, не занимавших особых административных постов, людей от власти, насколько это вообще возможно, независимых.

Состав Совета Лаврентьев подбирал из самых авторитетных академиков, и не просто академиков, а людей активных, бойцов. В него, кроме самого Лаврентьева, вошли Анушаван Агафонович Арзуманян – экономист, академик, основные труды по мировой экономике и экономике социализма; Мстислав Всеволодович Келдыш – президент Академии наук, математик, механик, теоретик космонавтики, основные труды в теории функции комплексного переменного, аэрогидродинамике, теории колебаний, вычислительных процессов, лауреат Ленинской и Государственных премий, трижды Герой Социалистического Труда; Владимир Алексеевич Кириллин – теплотехник, изобретатель и заведующий Отделом науки, вузов и школ ЦК КПСС, академик, основные труды по теплофизике, термодинамическим свойствам твердых веществ при высоких температурах, лауреат Ленинской и Государственных премий; Борис Павлович Константинов – физик, астрофизик, акустик, специалист по разделению изотопов, академик, основные труды по теоретической и прикладной акустике, астрофизике, разделению изотопов и диагностике плазмы, лауреат Ленинской и Государственной премий, Герой Социалистического Труда; Николай Николаевич Семенов – химик, физик, лауреат Нобелевской премии, один из конфидентов отца в развитии химии, академик, основатель химической физики, создал теорию цепных реакций, разработал теорию теплового взрыва газовых смесей, дважды Герой Социалистического Труда; Анатолий Петрович Александров – атомщик, «отец» атомных электростанций, атомных ледоколов и подводных лодок, академик, труды по диэлектрикам, электрическим и механическим свойствам полимеров, атомным реакторам, лауреат Ленинской и Государственных премий, трижды Герой Социалистического Труда; Николай Николаевич Боголюбов – гений-математик, физик, инженер, академик, основатель научной школы по нелинейной механике и теоретической физике, труды по статистической физике, микроскопической теории сверхтекучести и сверхпроводимости, квантовой теории поля, дисперсионным взаимоотношениям, лауреат Ленинской и Государственных премий, дважды Герой Социалистического Труда; Александр Павлович Виноградов – геобиокосмохимик, занимавшийся эволюцией формирования очень глубоких земных недр и эволюцией нашей планеты, академик, основные труды по теории зонного плавления и формирования земных оболочек, химической эволюции Земли, геохимии изотопов, лауреат Ленинских и Государственных премий, дважды Герой Социалистического Труда; Анатолий Алексеевич Дородницын – механик, математик, геофизик, аэродинамик, человек живой мысли и немислимо хваткий, академик с 1953 года, основные труды по динамической метеорологии, аэродинамике, численным методам решения дифференциальных уравнений, лауреат Ленинской и Государственных премий, Герой Социалистического Труда; Валерий Алексеевич Каргин – полимерщик, знавший о полимерах, если не все, то более кого-либо в мире, академик, основные труды в области механических и термомеханических свойств полимеров, методов модификации структуры полимеров, лауреат Ленинской и Государственных премий, Герой Социалистического Труда; Владимир Александрович Котельников – радист, изобретатель, человек, имеющий исключительный нюх на новое, академик, основные труды по методам радиоприема, теории помехоустойчивости, радиолокации Марса, Венеры, Меркурия, лауреат Ленинской и Государственных премий, дважды Герой Социалистического Труда; Борис Евгеньевич Патон – сварщик, достойный продолжатель дела своего отца Е. О. Патона, президент Украинской Академии наук, акаде-

мик, основные работы в области физики металлов и электросварки, лауреат Ленинской и Государственной премий, дважды Герой Социалистического Труда; Вадим Александрович Трапезников – автоматчик, кибернетик, один из зачинателей экономической кибернетики в Советском Союзе, академик, основные труды по автоматическому регулированию, электрическим машинам, экономике научно-технического прогресса, лауреат Государственной премии, Герой Социалистического Труда; Александр Иванович Целиков – металлург, разработчик теории проката металлов, ученый и практик в одном лице, академик, основные труды по теории проката металлов и обработки металлов давлением, лауреат Ленинской и Государственных премий, дважды Герой Социалистического Труда; Александр Николаевич Щукин – один из корифеев радиодола в СССР, ученый и администратор, академик, основные труды по теории распространения радиоволн и метода расчета дальней коротковолновой радиосвязи, лауреат Ленинской и Государственной премий, дважды Герой Социалистического Труда; Гурий Иванович Марчук – ученый секретарь Совета, математик-вычислитель, но главное – правая рука Лаврентьева, будущий Председатель Сибирского отделения, академик, основные труды по вычислительной и прикладной математике, лауреат Ленинской и Государственной премий, Герой Социалистического Труда.

Совет не наделили никакими административными правами, за исключением права прямого доступа к Хрущеву. А это, согласитесь со мной, не так мало и вполне достаточно, чтобы вызвать ревность и даже ненависть бюрократии. Местонахождение Совета определил отец, выделил им две комнаты в Кремле, поблизости от своего кабинета. Отец получал удовлетворение от работы со «своим» Советом, то и дело обращался к нему за справками, посылал на экспертизу бумаги.

После назначения на новую должность Лаврентьев засобирался в Москву. Осенью 1963 – зимой 1964 года об отъезде «деда» судачили в Академгородке в открытую. Называли даже его преемника – Александра Даниловича Александрова, ректора Ленинградского университета, математика, геометра, философа естествознания.

После того как Лаврентьев пообещал ему избрание в академики по квоте Сибири, он в начале 1964 года перебрался в Новосибирск. В академики Александрова в 1964 году избрали, но преемником Лаврентьева ему стать не довелось.

Но все по порядку. В те годы о деятельности Совета я почти ничего не знал. Над нами, ракетчиками, царствовала Военно-Промышленная комиссия Устинова. Расскажу о том немногом, что мне удалось разузнать впоследствии.

За чуть более чем годичный срок своего существования Совет провел в жизнь всего три-четыре идеи, но они повлияли на будущее развитие страны.

Начал Лаврентьев с наведения элементарного порядка в планировании от «достигнутого», что означало: план будущего года устанавливается чуть больше, процентов на три-пять, от выполненного в текущем году. Система создавала массу нелепостей. Так, имея возможность при удачно сложившихся обстоятельствах прирастить за год производство продукции (самолетов или тапочек), скажем, на 30 процентов, «умный» директор растягивал процесс на всю пятилетку, искусственно дозируя рост по пять процентов в год. Такое поведение диктовали правила игры, вернее тогдашней экономической жизни. Увеличь он производство на все 30 процентов за год, израсходуй все ресурсы, и от достигнутого ему на следующий год добавят еще 5 процентов роста. А он, выложившись до конца, их уже не осилит, оставит и завод, и самого себя без премии. Еще и выговор «заработает».

То же самое происходило с добычей минерального сырья. «Рачительный хозяин» никогда не отправит потребителю все полученное им из земли, отложит часть про запас, вдруг в следующем квартале что-то случится, выработка упадет, – вот полулегальный резерв и обеспечит выполнение плана.

С увесистой папкой материалов Лаврентьев пошел к Хрущеву. Первый раз в новом качестве его научного советника. Отец, не перебивая, выслушал Лаврентьева. Обо всех этих ухищрениях он отлично знал, не знал только, как их побороть. Более того, он, в свою очередь, рассказал академику о том, как в тридцатые годы нарком Госконтроля, недавний помощник Сталина, человек сумасшедшего характера Лев Мехлис «вора поймал»: уличил директора одного из украинских заводов в воровстве самолетных моторов и уже завел на него дело. В те годы, попав в такую передрагу, директор выговором не отделался бы, «в лучшем случае» загремел бы в лагерь, а в худшем...

На его счастье Мехлис поделился предварительными результатами расследования с Хрущевым, и тот усомнился: «У нас воруют все, что угодно, но авиационный мотор? Съесть его нельзя, продать нельзя, какой смысл в краже?»

Дело раскрылось просто: производство моторов учитывалось не ежемесячно, а посуточно. Сверхплановые моторы (их-то Мехлис и обнаружил) директор завода в отчет включать не спешил, использовал свой резерв на случай провала плана.

Отец пообещал Лаврентьеву подумать, в свою очередь попросил подумать и Лаврентьева. Вскоре отец придет к заключению, что выход в еще более глубокой децентрализации экономики.

Совет Лаврентьева, так окрестили его в кремлевских кабинетах, занимался широчайшим спектром проблем. К примеру, Михаил Алексеевич создал и сам возглавил комиссию, занявшуюся спецификой работы машин на Крайнем Севере зимой. Не полагаясь ни на кого, Лаврентьев с Марчуком в самые жгучие морозы проехали полторы тысячи километров по печально знаменитому Колымскому тракту, общались с золотодобытчиками, шоферами, охотниками, местными властями. Они своими глазами увидели, как при экстремально низких температурах лопаются стальные конструкции, металлические детали становятся хрупкими, как стекло, резина крошится, как сухари, пластмасса растрескивается, смазка, ничего не смазывая, превращается в камень. Они подсчитали, что зимой на Севере поломок происходит почти в десять раз больше, чем в Центральной России. Они же отыскивали и решение проблемы. По просьбе Лаврентьева, член совета Борис Евгеньевич Патон, человек хваткий и пробивной, разработал методы сварки специальных хладостойких марок стали. Химики занялись производством хладостойкой резины, пластмасс, смазок. Совет подготовил специальное постановление правительства. Дело пошло.

Лаврентьев же, в связи со строительством гигантской сибирской Нижне-Обской ГЭС, переключился на экологию. Газеты расписывали на все лады ее сказочную мощность в 10 миллионов киловатт, безбрежность будущего рукотворного моря размером с Каспий. Заместитель отца Алексей Николаевич Косыгин, один из энтузиастов будущей стройки, своим решением выделил два миллиона рублей на изыскание подходящего для плотины места. Энергетики облюбовали створ в районе Сургута.

У Лаврентьева затопление почти трети Западной Сибири вызывало не восторг, а серьезные опасения. Он поделился ими с отцом, и тот поручил Совету разобраться. Организованная Лаврентьевым комиссия объехала обреченные на затопление районы. В результате строительства плотины под воду уходили сельскохозяйственные угодья, леса. Посетила комиссия и район Березова, места ссылки князя Александра Даниловича Меншикова, сподвижника Петра I. Геологи разведали там богатые месторождения нефти. В случае строительства ГЭС на нефти пришлось бы поставить крест. Гидроэнергетиков нефть не интересовала. Совет по науке признал строительство Нижне-Обской ГЭС экономически нецелесообразным и даже вредным. Вопреки возражениям энергетиков, протестам Косыгина, отец поддержал Лаврентьева. Специальным решением Совета Министров проектирование Нижне-Обской ГЭС остановили.

Я упомянул о крупных проблемах, но Совет и его председатель занимались и делами мелкими, даже личными. К примеру, однажды отец попросил Лаврентьева помочь ему разобраться в коллизии в связи с академиком Петром Леонидовичем Капицей. Отец и сам хорошо знал маститого академика, несколько раз встречался с ним, но тут возникло щекотливое дело. Петр Леонидович собрался за границу, в Англию, Данию еще куда-то и подал соответствующие бумаги. Но получил отказ. Он пожаловался Хрущеву. Отец попал в затруднительное положение. КГБ выступал категорически «против», Министерство среднего машиностроения тоже. От Хрущева требовалось решение по тем временам непростое.

Чтобы объяснить суть происходившего, позволю себе углубиться в историю вопроса. Петр Леонидович Капица, тогда еще молодой, но уже знаменитый ученый, долгое время, с 1921 по 1934 год, работал в Англии. Там он сделал свои главные открытия в области сжижения газов – кислорода и гелия. В 1934 году Капица, как и в предыдущие годы, приехал в Советский Союз почитать студентам лекции, пообщаться с коллегами. Но в Англию уже не вернулся, и не по своей воле. В 1930-е годы Сталин предпринимал шаги для возвращения в страну уехавших в послереволюционное время писателей, художников, композиторов, ученых. Одни, как Алексей Толстой, Прокофьев, Марина Цветаева, вернулись, но многие поостереглись.

К примеру, рассказывали, что уговаривать знаменитого художника Илью Репина Сталин послал его дореволюционного друга, писателя Корнея Чуковского. Вернувшись через пару недель, Чуковский развел руками, – он сделал все, что мог, но старик заупрямился. В 1940 году, в результате советско-финской войны, Териоки, местечко, где жил и работал Репин, отошло к СССР. Репин уже умер. Финны ни его картинами, ни тем более его бумагами не интересовались, все осталось в доме нетронутым. В том числе дневник. В нем на одной из страниц Репин записал: «Приезжал Корней. Говорили о возвращении в Россию. Не советовал». Случалось и такое.

У Капицы же в 1934 году просто отобрали паспорт и предложили продолжить работы в Москве. Оборудование его лаборатории советское правительство выкупило у англичан. Новая жизнь складывалась сложно, Капица заступался за арестованных в самые страшные 1930-е годы вызволил из тюрьмы будущих академиков Льва Ландау и Игоря Тамма, после войны, во время кратковременного участия в атомном проекте фрондировал перед Берией. И регулярно писал Сталину. Сталин ему благосклонно отвечал, но затем, в письме от 25 ноября 1945 года, Капица перегнул палку, пожаловался вождю на Берию, обвинил человека, курирующего всю атомную отрасль в безграмотности, сравнил его с дирижером, который управляет оркестром, ничего не смысля в партитуре. Сталин Берию не уволил, Берия уволил Капицу. Сначала академика отстранили от работ, связанных с кислородной промышленностью, а он ни больше ни меньше возглавлял «кислородный» главк, затем признали его методику сжижения газов вообще несостоятельной. Затем Капицу выгнали из его собственного, «привезенного из Англии», Института физических проблем. И наконец, уволили из университета, где он еще какое-то время читал лекции. Спасибо что не посадили.

Летом 1953 года, после смерти Сталина и, конечно, ареста Берии, Капица попытался вернуть себе Институт, написал письмо Маленкову. Но не тут-то было, Берии уже не стало, однако люди, заправлявшие при нем атомными делами, оставались на своих местах. Отдавать какому-то Капице теперь уже свой институт они не желали. В ответ на запрос Маленкова все атомщики: член Президиума ЦК Первухин, министр Ванников, его заместитель Завенягин, категорически высказались против. Маленков привычно присоединился к мнению «большинства».

Поняв, что с Маленковым у него ничего не сладится, Капица попросился на прием к Хрущеву. Они встретились в середине февраля 1954 года. Я уже говорил, что отец любил общаться с учеными. А тут Капица... Человек-легенда! Однако Петр Леонидович разочаро-

вал отца. В первую очередь, своим внешним, как говорил отец, затрапезным, неакадемическим видом и даже тем, что у него постоянно текло из носа, а носовым платком академик почему-то не пользовался. Но все это мелочи, гении – они люди своеобразные. Отец стал расспрашивать Капицу о его работе, поинтересовался, не вернется ли он теперь, когда не стало Берии, к атомным разработкам? Капица категорически ответил: «Нет».

– Ученые подобны артистам, – пояснял он отцу, – любят, чтобы об их работах говорили, писали, показывали их в кино, а военная тематика секретна. Связаться с ней – означает похоронить себя в стенах института.

Отец Капицу не понял и не мог понять: над страной висит угроза американской атомной атаки, а он ему рассказывает о кино.

Затем Капица пожаловался, что работать ему приходится на даче, Институт у него Берия со Сталиным отобрали. Отец пообещал разобраться. 28 января 1955 года Капица вновь занял кресло директора Института физических проблем.

Теперь Капица стал писать письма отцу, как раньше писал их Сталину. В них он убеждал адресата в важности фундаментальной науки, жаловался на цензуру, задерживающую пересылаемые ему из-за границы иностранные журналы и книги. Отец рассылал его письма членам Президиума ЦК, просил помощников напомнить о них. С цензурой все разрешилось просто, а вот с фундаментальной наукой разбираться приходилось долго и мучительно. Но об этом позже.

Еще раз они встретились весной 1958 года. Капица рассказал отцу, что он работает над концентрацией электромагнитной энергии в луче, чем-то вроде гиперболоида инженера Гарина. Капица предвосхитил идею лазера, но сам лазера не изобрел.

На всякий случай отец решил проконсультироваться с Курчатовым. Последний отца «особенно не обнадежил, пояснил, что работа Капицы не является самой острой с точки зрения государственных интересов».

Потом Капица написал отцу, что он разгадал тайну шаровой молнии, научился создавать искусственные сгустки энергии, внутри которых, по его мнению, происходит термоядерная реакция. Снова просился на прием. Они не встретились. Отец потерял к Капице интерес.

И вот теперь, в очередном письме Капица просил Хрущева вмешаться, разрешить ему выехать за границу. Подобные проблемы тогда возникали на каждом шагу, командировка в капиталистические страны считалась чем-то из ряда вон выходящим. Требовалось «поручиться» за выезжающего – что он вернется, что не наговорит лишнего, не уронит там ничего, чего ронять не следовало. Особо щекотливые выездные дела доходили до отца, и он брал ответственность на себя. Так он «поручился» за балерину Майю Плисецкую, пианиста Святослава Рихтера, но в случае с Капицей он засомневался. Не в том, что Капица не вернется, конечно, вернется, а вот не расхвастается ли там перед «благодарными» слушателями, не раскроет ли ненароком какие-то научные секреты? Ведь он сам говорил отцу, что по складу характера – он артист, а артисты – ой как болтливы.

Вот отец и решил заручиться мнением Лаврентьева. О Капице Лаврентьев высказался в самых превосходных тонах, а по поводу командировки за границу ответил кратко: «Что тут плохого? Нужно отпустить». Однако отец продолжил расспрашивать Лаврентьева, насколько Капица знает наши секретные разработки, даже те, в которых сам не участвует? «Все мы обсуждаем научные проблемы между собой, – Михаил Алексеевич не стал крикнуть душой. – К тому же, Капица – ученый огромного масштаба, секретов для него не существует».

Капица за границу тогда так и не поехал.

«С сожалением, но пришлось отказать ему, – констатировал уже в отставке отец и тут же добавил: – Впоследствии (в 1966 году. – С. Х.) он побывал за границей, съездил с боль-

шим шумом в Англию. Я радуюсь за него и испытываю некоторую ревность, что не я решил этот вопрос. Однако то, чего мы опасались в былые времена, перестало сейчас служить препятствием. Мы стали признанной ядерной державой.

Не было ли в моей осторожности «отрыжки» сталинских времен? Возможно, возможно. Не сразу освобождаешься от моральных наслоений, даже тех, которые сам осуждаешь».

В 1963 году Совет обсуждал, как реформировать образование и чему учить в школах и высших учебных заведениях. Главные споры разгорелись вокруг реформы среднего образования. Министры среднего и высшего образования Всеволод Николаевич Столетов и Вячеслав Петрович Елютин настаивали на переходе от десятилетки к одиннадцатилетке.

– Школа не успевает подготовить всесторонне развитого человека, – убеждал слушателей Столетов.

– Всесторонне развитый человек – есть человек всесторонне недоразвитый, – парировал академик Дородницын. – Каждый человек, если он человек, имеет свой стержень жизни. Здесь он должен знать все досконально, а остальное лишь вспомогательное, обеспечивающее этот стержень. Только так достигается гармония, остальное лишь бесплодные мечтания.

Дородницына, человека жестких принципов, как и Лаврентьева, окружающие побаивались. Вот и сейчас министры не нашлись, что ему возразить.

Паузой воспользовался Лаврентьев, он считал, что школьные программы перегружены преподаванием русского языка.

– Вот мы, ученые, не знаем его в совершенстве, но это не мешает нам общаться, доказывать теоремы и развивать теории, – привел он более чем спорный довод. – Николай Николаевич, вы хорошо знаете русский язык? – не дав присутствующим опомниться, обратился он к академику Семенову.

– Пожалуй, нет, – после легкого раздумья ответил Семенов.

– А как вы обходитесь с бумагами? – продолжал настаивать Лаврентьев.

– Пишу неразборчиво, а секретарша поправляет все, как надо, – недовольно пробурчал Семенов.

Дискуссия явно заходила не туда, и тут слово взял Келдыш.

– Не надо передергивать, – в своей мягкой манере начал он. – Об изучении русского языка следует говорить осмысленно. Всякий культурный человек, а ученый тем более, должен быть высокограмотным человеком. Русский язык – основа нашей культуры и нашего собственного мирозерцания.

Келдыша поддержал академик Кириллин, постепенно к ним присоединились и остальные члены Совета. Лаврентьев и Семенов остались в меньшинстве. Единогласно все высказались за сохранение десятилетки. Идею перехода на одиннадцатилетнее образование похоронили надолго.

Другая «интересная» тема – надбавки к окладам за научные степени, докторские и кандидатские. Многие считали их не только бесполезными, но и вредными, побуждающими к защите диссертаций не ради знаний, а с целью улучшения своего материального положения. Предполагалось лишить ученых «незаслуженных» привилегий. Доброхоты регулярно снабжали отца нелепыми темами диссертаций, благо объявления о защитах, согласно закону, ежедневно публиковались в «Вечерней Москве». Отец нередко использовал эти курьезы в своих выступлениях, но с принятием решения не спешил, хотел посоветоваться с кем-то лучше знающим предмет, чем окружавшие его сотрудники ЦК и журналисты. К тому же, сам не имевший возможности как следует выучиться, он испытывал внутреннее благоговение перед наукой и учеными. Настоящими, конечно, делающими дело, а не болтунами. Он отослал проект решения о надбавках на отзыв Лаврентьеву.

«Большинство ученых не склонны к сколько-нибудь существенной ломке системы при-суждения ученых степеней и званий. Ее нужно усовершенствовать, но ни в коем случае не ломать», – возражал Лаврентьев в своем ответе. Он считал, что льготы для «остепененных» не так уж обременительны бюджету. Большинство диссертантов – добросовестные ученые, и их труд следует так же материально стимулировать, как он, Хрущев, требует стимулировать труд рабочих и колхозников. Ничего зазорного в этом нет, что же касается «научных пустоцветов», то их меньшинство, надо бороться с ними, а не с диссертациями.

Прочитав записку, отец пригласил Лаврентьева к себе. Подробностей разговора я не знаю, но, вернувшись домой, отец со смехом вспоминал один из аргументов Лаврентьева: «Лишать кандидатов и докторов наук их привилегий – все равно что свинью стричь: визгу много, а толку чуть».

Шутки шутками, но кремлевская встреча с Лаврентьевым изменила настрой отца. Подготовленный проект решения он не подписал.

В октябре 1964 года отца отстранили от власти. Буквально на следующий день ликвидировали Совет. Лаврентьев в Москву переехать так и не успел.

Преемники отца рассматривали Совет по науке как организацию исключительно личностную, связанную с Хрущевым, а значит, подлежащую уничтожению. Собственно, таковой она и была. Отец испытывал внутреннюю потребность в общении с учеными, нуждался в их знаниях, нуждался в дискуссиях с ними, порой непростых и взаимно не очень приятных, нуждался в их советах, независимых суждениях. С их помощью он старался уловить тенденции развития окружающего нас мира, обеспечить стране ускоренное развитие, выход на передовые рубежи в конкуренции с Западом, с Америкой.

В непрекращающейся борьбе с энтропией, с засасывающим все и вся хаосом Совет становился очень важным и действенным инструментом. Преемники Хрущева, провозгласив принцип стабильности, стабильности в интересах государственного и партийного аппарата, сами стали органической частицей нарастающего хаоса, энтропии. Возглавивший правительство Косыгин искренне верил в действенность бюрократической иерархии. При наличии Госплана, Госкомитета по науке и технике, Академии наук, к чему ему еще и собственный Совет по науке? Он представлялся капризом Хрущева, проявлением волюнтаризма, вот его и ликвидировали за ненадобностью.

Сыграла роль и личностная составляющая. Косыгин, заместивший отца в кресле главы правительства, не простил Лаврентьеву его негативной позиции при обсуждении проекта Нижне-Обской ГЭС.

Сохранилось свидетельство академика Гурия Ивановича Марчука о последних днях существования Совета. Председатель Совета Лаврентьев, секретарь Совета Марчук и иже с ними в те годы разрывались между Академгородком, Сибирским отделением Академии наук и Советом по науке, постоянно сновали из Новосибирска в Москву и обратно. Неудобство такой жизни им компенсировалось определенными московскими удобствами: персональной «Волгой» из совминовского гаража по вызову, если кому понадобится – хорошей гостиницей. По воспоминаниям Марчука: «В октябре 1964 года, 14 числа, через 4 часа после проводов представительной французской делегации, меня пригласил М. А. Лаврентьев в кабинет и сказал: “Гурий Иванович, в Москве что-то случилось, мне как члену ЦК надлежит немедленно прибыть на Пленум. Вы поедете со мной, дело может коснуться и нашего Совета по науке”».

Я немедленно собрался, мы направились в аэропорт. К удивлению французов, наших гостей, мы летели в Москву с ними в одном самолете. В Москве Лаврентьев сразу же поехал в Кремль, а я отправился к себе на квартиру. У Лаврентьева с Марчуком в Москве сохранялись их старые квартиры. На следующее утро позвонил в диспетчерскую гаража Совмина с просьбой прислать мне машину, но получил ответ, что с сегодняшнего дня машина меня не

обслуживает. О происшедшем я узнал из газет: накануне (14 октября. – С. Х.) Пленум ЦК КПСС отстранил Хрущева от должности Первого секретаря ЦК КПСС, на его место избрали Брежнева. Я поспешил в Кремль. Происходившее в Кремле меня поразило. Большая группа хозяйственных служащих и рабочих ходили по кабинетам Кремля и, если в них висели портреты Хрущева, срывали их граблями и складывали в тележку. Смотреть на это было просто противно. На следующий день А. Н. Косыгин – новый председатель Совета Министров СССР вел заседание Президиума Совмина. На нем приняли в числе первых постановление о ликвидации Совета по науке при Совете Министров СССР. А зря! Дело было недорогое для государства, но нужное. Больше Совет никогда не возникал».